

Елена Северская

*Бывшая и
гребень
красоты*

Елена Северская

Бывшая и гребень красоты

Серия «Приключения Бывшей», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72648046

SelfPub; 2026

Аннотация

Она была всем: могущественной феей Аэринвизель, чьи крылья отсекали лунный свет. Теперь Светлана Гордеева – «бывшая». Лишённая магии, она доживает век в панельной двушке, где пахнет дешёвыми сосисками и тоской, а единственный диалог ведёт с циничным котом-надзирателем. Всё рушится, когда её обвиняют в краже «Книги Песчаного Саркофага» – артефакта, несущего смерть и воскрешение. Ультиматум Ковена прост: верни или умри. Чтобы выжить, Светлана с помощью таинственного гребня, меняющего внешность, пробирается в «Лимб» – зловонное сердце магического дна, где правят полукровки, допельгангеры и гномы-недоучки. Здесь, среди дыма дешёвого зелья и шепота древних проклятий, её ждёт правда, от которой зависит не только её жизнь, но и судьба двух миров – людей и магов.

Содержание

Глава 1. Бывшая	4
Глава 2. Посылка	8
Глава 3. Визит из прошлого	12
Глава 4. Первый след	16
Глава 5. Лимб	20
Глава 6. Лицо со дна	24
Глава 7. Игра в тени	28
Глава 8. Кровавый след	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Северская

Бывшая и гребень красоты

Глава 1. Бывшая

Ноябрьский вечер впустил в город промозглые сумерки, и они густели, заливая дворы-колодцы грязной жижей из тени, влаги и городского света. В окнах панельных высоток, словно в сотах улья, зажигались жёлтые квадраты – один за другим, нехотя, как всегда в это время года.

В одной из таких двухкомнатных клеток на кухне пахло чаем и человеческим одиночеством. Воздух был густым и неподвижным, лишь изредка его рябило лёгкое парение от заварника на плите. На сковороде шипели сосиски, безнадежно сморщиваясь, и этот звук был единственным признаком жизни, кроме тихого постукивания капель по карнизу.

Светлана Гордеева стояла у раковины, глядя в окно, за которым ничего не было видно, кроме её собственного отражения и унылого уюта кухни. Ей было около сорока пяти, и время, лишённое магии, оставило на лице следы без особой жестокости, но с удручающей основательностью. Морщинки у глаз, чуть потускневшая кожа, пряди рыжих волос с серебром седины – всё это было естественно и неумолимо. Старый выцветший халат. Руки, некогда способные плести заклина-

ния, смывали с тарелки крошки от утреннего бутерброда.

На подоконнике, свернувшись тёмным клубком, лежал кот. Его шерсть была цвета ночного неба без луны – настолько густая и глубокая, что, казалось, поглощала свет. Уши с острыми кисточками, глаза – два ярко-жёлтых серпа, наблюдающих за миром с невозмутимым превосходством.

– Сосиски, Света? – его голос был низким, бархатным, с вечной ленивой насмешкой. – Наше финансовое положение, конечно, вызывает трепет. Определённо пища, достойная когда-то могущественной Аэринвиэль. В прошлый раз, когда я видел подобную субстанцию, ею конопатили щели в драконьей берлоге. И, должен сказать, дракон чихал потом целую неделю.

Светлана повернулась, оперлась о столешницу и посмотрела на кота с сухим, усталым выражением.

– А ты что хотел, Маркиз? Фазана под соусом из лунных слёз? Бюджет трещит по швам. Ковен платит ровно столько, чтобы ты не сдох с голоду, пока наблюдаешь за моим увлекательным угасанием.

– Я не сую свой нос в твои финансовые дела. – Маркиз томно потянулся, демонстрируя когти, острые как отточенные стилеты. – Я лишь выражаю эстетическую тревогу. Ты деградируешь, моя дорогая. И не только магически. Вкусовые рецепторы, кажется, отмерли первыми.

– Мои вкусовые рецепторы рады всему, что не шевелится в тарелке. – Светлана сняла сковороду с огня. – И если те-

бе не нравится, всегда можешь словить голубя. Или сходить на поклон к Ковену с докладом, что подопечная умерла от несварения желудка. Освободишься.

Маркиз фыркнул, но в его фыркание слышалась усмешка. Их отношения были странным симбиозом тюремщика и заключённой, давно переросшим в нечто иное – циничное, но прочное товарищество по несчастью.

Светлана налила себе чай, села за стол и, отодвинув тарелку с сосисками, достала из ящика тяжёлую латунную подзорную трубу. Старинная работа, с руническими насечками, которые давно погасли. Гном Папаша Болт, один из немногих, с кем она поддерживала подобие контакта, отдал её за одолжение в далёком прошлом.

– О. – Маркиз приподнял голову. – Начинается самое интересное. Вечерний сеанс мазохизма. Что сегодня в программе? Опять сосед-сантехник Дмитрий пытается починить своего железного коня?

– Молчи. – Светлана поднесла трубу к глазу, и в её голосе не было злости. – Это единственное развлечение, которое мне доступно. Магия повседневности.

Она навела трубу на окно напротив. В одной из квартир на том же этаже, за окном без занавесок, мужчина лет пятидесяти в засаленной майке ковырялся в моторе «Запорожца», разобранным прямо в гостиной. Его лицо было красным от усилия и, вероятно, чего-то покрепче чая. Светлана наблюдала за его вознёй с холодным аналитическим интере-

сом. Вот он что-то прокричал в сторону кухни. Вот швырнул гаечный ключ об стену.

– Трагикомедия в трёх актах. – Маркиз следил за её взглядом. – Смотри, сейчас он заплачет. Уверен. Каждый вечер одно и то же. Люди такие предсказуемые.

– Они живые. – Светлана не отрывалась от трубы. – Они злятся, плачут, дерутся, рождаются, умирают... по-настоящему. Без иллюзий и вечности за пазухой. В этом есть своя правда.

– Правда вонючего мотора в гостиной? – Маркиз зевнул. – Сомнительная философия, дорогая. Я предпочту вечность. Даже наблюдением со стороны.

Светлана опустила трубу. В её глазах стояла не тоска, а нечто более сложное – приглушённая ярость, смешанная с усталым принятием. Она снова была просто женщиной в халате, в панельной двушке, с котом-надзирателем и сосисками на ужин.

Бывшая фея. Бывшая глава Ковена. Бывший маг десятого уровня. Бывшая возлюбленная архимага. Везде бывшая.

Теперь – просто Светлана. И её единственная магия заключалась в том, чтобы пережить ещё один вечер.

Глава 2. Посылка

Тишину утра прорезал резкий, чужой звук – звонок в дверь. Не уверенный, не спешный, а какой-то случайный, будто неловко задетая нота. Светлана, погружённая в книгу с чашкой второго чая, вздрогнула и нахмурилась. Неожиданные гости у неё практически всегда приносили дурные вести. Маркиз, дремавший на спинке кресла, лениво приоткрыл один серповидный глаз.

– За порогом пахнет смятением и недоумением, – шепнул он, шевельнув усами. – Обожаю неожиданные для людей коктейли.

Светлана неспешно подошла к двери, проверяя замок с привычной осторожностью. На пороге стоял парень в куртке курьерской службы, нервно переминаясь с ноги на ногу. В его руках была продолговатая картонная коробка, неаккуратно обёрнутая в старую пожелтевшую газету. Лицо его было растерянным, как у человека, случайно оказавшегося не там.

– Ва-а-ам... э-э... – пробормотал он, заглядывая в наладонник. – Гордеевой?

– Мне, – отозвалась Светлана коротко и жёстко, оценивая его взглядом. Магии не чувствовалось, просто испуганный мальчишка.

– Так... вам, значит. – Он протянул коробку, будто хо-

тел сбросить с рук нечто опасное. – Отправитель не указан. Только адрес. Вот.

Едва передав посылку, он поспешил удрать, как будто боялся, что его засосёт внутрь этой квартиры вместе с её обительницей.

Светлана закрыла дверь и повернула в руках невесомую коробку. Ни маркировки, ни документа. Только её имя, написанное корявым, чужим почерком.

– Пенсию выслали? – хмыкнул Маркиз с кресла. – Или бывший вспомнил и прислал осколки своего выдержанного сердца?

– Заткнись, Маркиз, – буркнула Светлана, унося коробку на кухню и ставя на стол.

Сняв газету, она обнаружила простую, неотбеленную коробку. Внутри – слой древесной стружки, под стружкой – чёрная бархатная подушечка. На бархате лежал Гребень.

Тёмный, переливчатый перламутр, необычайно тяжёлый и прохладный. Зубцы – из лунного серебра, так матового, что казалось: на них осел свет ночи. На гребне не было ни рун, ни ауры, ни привычного магического гула. От него исходила лишь абсолютная, почти глухая тишина.

Маркиз соскользнул с кресла и грациозно обошёл стол. Его нос едва дрогнул над находкой.

– Странно, – протянул он наконец. – Пахнет... ничем. Совершенной пустотой. Обычная магия всегда с шлейфом: то сладкая падаль, то озон, то пыль древностей. А тут – ничто.

Хорошая работа, редкость. Кто прислал?

Светлана с лёгким пренебрежением взяла Гребень. Он оказался неожиданно холодным и весомым.

– Декоративная ерунда, – сказала она. – Кому-то на досуге заняться нечем.

Поддавшись минутному порыву – то ли скуке, то ли смутному, еле уловимому беспокойству, – Светлана подошла к зеркалу в прихожей. Потёртое стекло, пятна на амальгаме. Вид в отражении: уставшая женщина с небрежным пучком, из которого выскакивают седые пряди. С усмешкой попробовала – вставила гребень в волосы, откидывая их со лба.

Мир замер.

В отражении на неё смотрела другая: моложе лет на двадцать, с гладкой кожей без единой морщины, сияющими, словно потоком света, густыми волосами пшеничного цвета. Но самыми пугающими были глаза. Старые, знакомые, её собственные глаза сорокапятилетней – усталые, колкие, обожжённые цинизмом – теперь взглядом смотрели из юного лица, как если бы внутренняя суть пробралась наружу.

– Чёрт... – выдохнула она, инстинктивно касаясь лица. Кожа под пальцами была прежней – уставшей, суховатой, возраста давно не молодого. Зеркало обманывало только глаза.

Маркиз подкрался и сел рядом, не отводя взгляда то то на нее, то то на отражение. Его хвост мерно покачивался из стороны в сторону.

– Любопытно, – протянул он с театрализованным вздохом. – Только, прошу, не превращайся в зеркало-, э-э, в самовлюблённую дуру. Мне и так иногда кажется, что твоя самооценка уже магический артефакт. Мой желудок такие острые блюда плохо переваривает.

Глава 3. Визит из прошлого

Эффект от Гребня был как удар током – коротким, но пронзающим. Светлана несколько минут всматривалась в своё юное отражение, ища хоть малейший след иллюзии, подвоха. Ничего. Зеркало показывало жутковатый гибрид: тело двадцатилетней с душой сорокапятилетней. В конце концов, резким, почти яростным движением она выдернула гребень из волос.

Зеркало тотчас вернуло ей реальность: рыжевато-седые пряди, морщинки у глаз, привычную усталость в чертах. Она тяжело дышала, словно только что пробежала стометровку.

– Ну что, повеселилась? – Маркиз сидел на полу, обвив хвостом лапы, с видом учёного, наблюдающего за рискованным экспериментом. – Превратилась в тыкву, как положено Золушке? Или почувствовала прилив былого тщеславия?

– Заткнись. – Светлана смотрела на гребень в ладони. Он снова был просто куском резного перламутра – дорогим, старинным, но безжизненным. – Что это, Маркиз? Кто и зачем?

– О, наконец-то правильные вопросы. – Кот лениво облизал лапу. – Не «почему я», а «почему это». Прогресс. Отвечаю: не знаю. Но пахнет большой и грязной игрой. А ты – пешка на стартовом поле.

Она хотела ответить, но в этот момент дверь не постучали. Её просто открыли.

Тихий щелчок магии, снимающей простейшие замки – и в квартиру вошли трое. Двое в длинных серых плащах с глубокими капюшонами, скрывающими лица. Позы напряжены, готовы к действию. А между ними – женщина.

Марина. Новая глава её бывшего Ковена.

Безупречный строгий костюм цвета воронова крыла. Тёмные волосы убраны в тугой пучок, открывая высокий холодный лоб. Лицо, когда-то, может, и милое, теперь казалось высеченным из льда. В руках – тонкий магический кристалл, похожий на сигару.

– Светлана. – Голос Марины был ровным, отточенным, как лезвие, без капли тепла. – Как поживаешь? Надеюсь, не скучаешь.

Светлана не шевельнулась, лишь сжала кулаки. По спине побежали мурашки. Маркиз, как тень, скользнул под стол – оттуда наблюдали два жёлтых серпа.

– Марина. Каким ветром? – Светлана кивнула на окружающую обстановку. – Обычно вы шлёте лишь очередную подачку на счёт, чтобы меня и отсюда не выперли.

– Ветром перемен. – Марина подняла кристалл, на её лице не дрогнул ни один мускул. – И ветром правосудия. У нас к тебе вопросы. Серьёзные.

Она активировала кристалл. Из его кончика вырвался луч света, и в воздухе посреди гостиной замерцало трёхмерное изображение. Запись с Охранного Зеркала Истины – артефакта, который не обмануть никакой иллюзией.

На записи – святилищный зал Ковена. Стеллажи с фолиантами, мерцающие защитные поля. И фигура. Женщина в простой тёмной одежде, с рыжими волосами, тронутыми сединой. Светлана. Её нынешняя версия. Уверенными, точными движениями – движениями, которые она узнавала как свои собственные, – та вскрывала слои защиты. Пальцы двигались с точностью, недоступной обычному человеку. Вот она берёт с полки массивный том в обложке из потемневшей кожи – на ней угадывались очертания песчаных дюн и саркофага. «Книга Песчаного Саркофага». Заклинания смерти, воскрешения, запретная магия десятого уровня.

Запись оборвалась.

В квартире повисла тяжёлая, густая тишина.

– Объясни, – потребовала Марина, погасив кристалл. Её холодные, безжалостные глаза впились в Светлану.

– Это не я. – Голос Светланы прозвучал тихо, но чётко. Внутри всё кипело, но она держалась.

– Ты сама всё видела. – Марина говорила с леденящим спокойствием. – Зеркало Истины показывает только настоящий образ, без морока. Это была ты. Улики железные. Мотив? Мечь Ковену за изгнание. За то, что оставили тебя доживать век в... этом. – Она с лёгкой брезгливостью окинула взглядом комнату.

– Я не крада эту книгу.

– Докажи. Или верни её. – Голос Марины стал опасно тихим. – Даю неделю. Положи на ступени нашего святилища.

Если нет... Ковен применит к тебе Статью о Предательстве и сношении с запретными искусстваами. Ты знаешь, что это значит.

Светлана знала. Это означало не просто смерть. Полное стирание, распад на магические атомы без возможности возрождения. Вечный, окончательный конец.

Марина повернулась к выходу. Стражи развернулись следом.

– Жду до рассвета, Светлана. Не заставляй делать это официально.

Они вышли. Дверь закрылась с тихим щелчком. Магия снова легла на замки, запирая её изнутри. Клетка оставалась клеткой.

Светлана несколько секунд стояла неподвижно, глядя в пустоту. Потом с коротким сдавленным криком ярости схватила первую попавшуюся вещь – пустую чашку со стола – и швырнула в стену. Фарфор разлетелся с сухим яростным звоном.

Из-под стола донёсся спокойный голос:

– Ну что, красавица? План есть? Или будем ждать, пока тебя превратят в пыль? Я, конечно, составлю компанию подробным отчётом, но тебе от этого, кажется, мало толку.

Глава 4. Первый след

Тишину после хлопка двери нарушало лишь тяжёлое, прерывистое дыхание Светланы. Она стояла, сжав кулаки так, что ногти впивались в ладони, глядя на осколки фарфора, разбросанные по полу. Ярость – густая, слепая, знакомая – кипела в ней, грозя вырваться новым криком, новым разрушением. Загнанный зверь, прижатый к стене собственного заточения.

Маркиз бесшумно выбрался из-под стола и, обойдя осколки, уселся напротив, поджав хвост. Его жёлтые глаза изучали её без всякой насмешки – с холодной, почти клинической оценкой.

– Ну? – произнёс он наконец. – Закончила истерику? Или нам нужно разбить ещё что-нибудь? Может, тот уродливый вазон с кактусом? Я его всегда ненавидел.

Светлана резко выдохнула, заставив дрожь в руках утихнуть. Она подняла на него взгляд, и в её глазах уже не было бешенства – лишь ледяная, отточенная ярость.

– Они подстроили всё идеально. – Голос был низким и опасным. – Марина с её вечными комплексами. Она слюной исходит от возможности наконец добить меня.

– О, ещё бы. – Маркиз медленно моргнул. – Ты была всем, чем она хотела быть. А теперь ты – всё, чем она боится стать. Идеальная мишень для злобы. Но хватит о её психологиче-

ских травмах. Вернёмся к железным уликам.

– Это не я. – На этот раз слова прозвучали не как отрицание, а как констатация факта. Светлана провела рукой по лицу. – Это доппельгангер. Зеркало Истины не видит душу. Оно фиксирует физический облик в момент записи. Для Зеркала двойник, принявший мою форму, и был мной. Идеальная подстава.

Маркиз наклонил голову.

– Логично. Примитивно. И чертовски грязно. Старо как мир, но всегда работает. Вопрос в том: кто и зачем? Марина? Слишком просто. Она хочет твоей смерти, но для такого ей не хватило бы ни смелости, ни изобретательности.

– Неважно, кто. – Светлана отшатнулась от стены и начала расхаживать по комнате резкими, отрывистыми шагами. – Сначала нужно найти этого двойника. Заставить его говорить. Тогда узнаем, кто за этим стоит.

– «Мы»? – Маркиз фыркнул. – Мило с твоей стороны включать меня в свои авантюры. Но учти: моя задача – наблюдать и докладывать. Не участвовать в самосуде.

– Ты будешь докладывать, что я разоблачила заговор против Ковена. – Светлана остановилась перед ним. – Это в твоих же интересах. Если меня сотрут, кому ты будешь язвительно комментировать сосиски? Какому-нибудь новому изгою? А он, возможно, окажется любителем собак.

Маркиз сморщил нос, словно учуяв нечто неприятное.

– Грязно играешь, Гордеева. Используешь мою привязан-

ность к твоему скверному характеру.

– Я использую всё, что у меня есть. – В её голосе не было ни тени улыбки. – Где его искать, Маркиз? Где тусуется эта нежить?

Кот вздохнул, демонстративно поднялся и потянулся.

– Если бы ты украла книгу, куда бы спряталась? В библиотеку? Нет. Ты бы пошла туда, где тебя не ищут. Где царит хаос, и можно раствориться. Где правят те, кого Ковен презирает настолько, что даже не рассматривает как угрозу.

Он посмотрел на неё, и в его глазах мелькнул огонёк.

– Иди в «Лимб». Спроси там. Только, ради всего святого, без меня. Моя благородная шкура не для таких помойных ям. Вонь отчаяния и дешёвого зелья напрочь убивает аромат тунца в моём рационе.

Светлана кивнула. Её разум уже работал, выстраивая план. «Лимб». Подпольное сообщество магического дна. Место, куда она, Аэринвизель, когда-то и смотреть не стала бы. Теперь – её единственный шанс.

– Хорошо. – Голос был тихим, но решительным. – «Лимб» так «Лимб».

Маркиз, удовлетворённый, развернулся и грациозным прыжком взобрался на излюбленный подоконник. Он устроился поудобнее, повернувшись к ней спиной, и принялся вылизывать лапу.

– Удачи. – Он бросил через плечо, и в его голосе снова зазвучала привычная язвительность. – Постарайся не быть

узнанной. И не убитой. Отчёт о твоей героической гибели мне придётся писать в стихах. А я терпеть не могу рифмовать «труп» с «глуп».

Светлана не ответила. Она уже стояла перед чёрным бархатом, на котором лежал гребень. Внезапно пришло его время. Её ключ к двери, ведущей на самое дно магического мира. Её единственное оружие. Она взяла его в руки. Холодный перламутр словно ждал её прикосновения.

Пришло время снова стать кем-то другим. Пришло время для «Ланы».

Глава 5. Лимб

Воздух на заброшенной промзоне пах ржавым металлом, стоячей водой и чем-то кислым – возможно, неудачными попытками алхимиков сварить зелье в кустарных условиях. Где-то вдали гудели поезда, где-то рядом, судя по вою и звону разбитого стекла, вовсю гуляла местная шпана. Светлана, закутанная в потрёпанное пальто, шла по щебню, сверяясь с кривыми указателями, нацарапанными мелом на стенах. Один из них, стрелка, упирающаяся в заваренные листом железа ворота гаража, гласила: «ЗАБЫТЬЁ». Ниже, более свежим и злым почерком, было выведено: «ЛИМБ».

Именно сюда её вывели намёки Маркиза и собственные старые воспоминания. Место, где встречались те, кого магическое общество предпочитало забыть.

У ворот, отливая в темноте бледной, как у гриба, кожей, стоял огр. Не сказочный великан, а нечто приземистое и мощное, с плечами шкафа и лицом, которое, казалось, побывало в двадцати драках и проиграло все. Он скрестил руки, преграждая путь.

– Куда, мушка? – Голос напоминал скрежет гравия по бетону.

Светлана отбросила капюшон. Она была «Ланой» – молодой, красивой, с сияющими пшеничными волосами, убранными изящным гребнем. Но в её глазах, которые она не мог-

ла изменить, горел холодный стальной огонь.

– В Лимб. – Её голос прозвучал твёрдо, без тени неуверенности. – Я слышала, здесь ищут возможности.

Огр смерил её взглядом, выжидающе протянул ладонь. Подачка. Магическое дно жило по своим законам.

Светлана, не моргнув, положила ему в руку заранее приготовленную монету – не магическую, а старую царской чеканки, которую Папаша Болт называл «универсальным отмыкателем ртов».

Огр поднёс монету к единственному глазу, удовлетворённо хмыкнул и отодвинул железный лист. За ним открывался тёмный проход, пахнувший сыростью и плесенью.

– Веселись, мушка. Только не шуми. Шеф не любит шума.

Пройдя по низкому коридору, Светлана оказалась перед тяжёлой обитой железом дверью. Из-за неё доносился приглушённый, гипнотический ритм музыки – не человеческой, а чужой, состоящей из шелеста крыльев, биения сердца и звона разбитых кристаллов.

Она толкнула дверь.

И погрузилась в ад.

Ад, впрочем, был весьма оживлённым. Пространство бывшего цеха было магически расширено, уходя ввысь и вглубь. В воздухе, пропуская сквозь себя лучи прожекторов, кружили парочки суккубов и инкубов, сливаясь в танце и питаясь смутными желаниями зазевавшихся посетителей. У стойки бара гоблин с заляпанным грязью фартуком наливал

в бокалы что-то дымящееся, от запаха которого слезились глаза. В углу, на импровизированной сцене, трое троллей с разной степенью успешности пытались извлекать звуки из натянутых жил и металлических бочек. Пол, липкий от пролитых напитков, местами вибрировал от тяжёлых шагов оборотня в неполной форме – судя по всему, здешнего вышибалы.

Это был не просто клуб. Это был зверинец. Зверинец для тех, кого выбросили из цирка.

Светлана сделала шаг вперёд, и десятки глаз тут же уставились на неё. Голодные, любопытные, враждебные. Новичок здесь был событием. А уж новичок, выглядящий как она, – и подавно.

Она почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не страха – отвращения. Она, Аэринвиэль, когда-то решавшая судьбы целых кланов, теперь должна была ползать в этой помойной яме.

«Соберись. Ты здесь не королева. Ты – Лана. Выживающая».

Она направилась к бару, чувствуя на себе тяжёлые взгляды. Кто-то из тёмных эльфов, сидевших в ложе, лениво просвистел ей вслед. Она проигнорировала.

– Что-то нейтральное. – Она бросила гоблину-бармену, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, но без вызова.

Тот что-то пробурчал в ответ и сунул ей в руки грязный бокал с мутной жидкостью. Она даже не стала пробовать.

Именно в этот момент она его увидела. Он сидел на невысоком возвышении в дальнем конце зала, в кожаном кресле, больше похожем на трон. Полувампир Кассий. В миру – Николай Кречет. Строен, одет в чёрное, лицо с острыми чертами было бледным, а взгляд – тяжёлым, полным затаённой злобы и вечной неуверенности. В руке – бокал с тёмно-красной жидкостью. Он не пил, лишь медленно вращал бокал, наблюдая за своим «царством».

И его взгляд упал на неё.

Светлана замерла, чувствуя, как этот взгляд сканирует её, будто рентгеном. Она заставила себя не отводить глаз.

Кассий что-то негромко сказал стоявшему рядом огру, и тот направился к ней.

– Шеф зовёт. – Он буркнул, кивнув в сторону возвышения.

Сердце Светланы ёкнуло, но она лишь кивнула и пошла за ним, стараясь, чтобы походка была уверенной, а осанка – гордой. «Ты – ведьма, ищущая покровительства. Ты не боишься. Ты хочешь быть здесь».

Она остановилась перед ним. Кассий медленно поднял на неё глаза. В них не было ни интереса, ни любопытства – лишь холодная оценка потенциального ресурса или угрозы.

– Новенькая? – Его голос был глуховатым, с лёгкой хрипотцой. Он отчётливо клацал согласные, будто пробуя слова на вкус и находя их горькими. – Ищешь кого-то? Или чего-то?

Глава 6. Лицо со дна

Глаза Кассия, тёмные и бездонные, как старые колодцы, бурили её насквозь. Светлана почувствовала, как под этим взглядом по коже побежали мурашки – не страха, а древнего, врождённого отвращения хищника к чему-то неправильному, ненастоящему. Он был полукровкой, изгоем среди изгоев, и это делало его в тысячу раз опаснее.

Она заставила себя выдержать паузу, прежде чем ответить. Слишком быстрый ответ выдал бы нервозность.

– Я ищу место. – Её голос, голос «Ланы», прозвучал твёрдо, с подобранной долей надменности. – Мой старый ковен остался в прошлом. Со своими правилами, лицемерием и толком для тех, у кого нет имени, но есть амбиции.

Кассий медленно, почти лениво отпил глоток из бокала. По тому, как он сглотнул, Светлана с отточенным за годы пониманием определила – это не кровь, а просто красное вино. Дешёвое. Он и правда слаб.

– Амбиции. – Он растянул слово, ставя бокал на подлокотник кресла. – Здесь товар ходовой. Или разменная монета. Смотря как ими распорядиться. Как зовут амбициозную пташку?

– Лана.

– Лана. – Он повторил, будто пробуя имя на вкус и находя его невыразительным. – Ну что ж, Лана. Добро пожаловать в

Лимб. Здесь все – чьи-то ошибки. Надеюсь, ты стоишь того, чтобы о тебе пожалели.

Его монолог прервал тяжёлый, влажный топот. К ним приблизился Зубарь – оборотень-медведь, чья голова так и осталась звериной, с влажным чёрным носом и маленькими глазками, полными немой ярости. От него пахло мокрой шерстью и кровью.

– Кассий. – Голос был низким рыком, исходящим из грудины груди. – Эти гоблины с Чёрного рынка опять задирают цены на сырьё. Наши пацаны недовольны. Давай устроим им «переговоры»? По-моему?

Он с силой ударил медвежьей лапой по своей открытой, заросшей шерстью груди. Кассий даже бровью не повёл.

– Устроим, Борис. – Его ответ был спокоен, но в нём слышалась сталь. – Но не сегодня. Сегодня мы гостим. – Он кивнул в сторону Светланы. – И наблюдаем. Скажи своим, чтобы потерпели. Или пусть ищут нового поставщика. Без моей санкции.

Зубарь что-то проворчал, бросив на Светлану взгляд, полный животного недоверия, и отошёл, тяжело переваливаясь.

Не успел Кассий снова повернуться к ней, как из тени, словно материализовавшись из самого воздуха, возникла другая фигура. Графиня Алиса. Вампирша в платье, которое когда-то было роскошным, а теперь лишь старательно чинилось. Лицо бледное и утончённое, в глазах – вечная, нескрываемая тоска.

– Николай. – Её голос был шелестом шёлка. – Насчёт той деликатной поставки. Из Изнанки. Там возникли сложности. Таможня у людей усилила досмотр. Нужно или менять маршрут, или платить вдвое больше за «незрячесть» стражей.

Кассий вздохнул. В его вздохе слышалось раздражение.

– Решай, Алиса. Это твоя зона. Деньги найду. Маршрут – проложи. Я не для того тебя здесь держу, чтобы ты приходила ко мне с каждой проблемой.

Графиня склонила голову, но в её поклоне сквозила не покорность, а холодная обида. Она скользнула обратно в тень.

Светлана наблюдала за этим мини-спектаклем с внутренним холодком. Она видела всё: как Кассий лавирует между грубой силой Зубаря и изощрёнными проблемами Алисы. Он не отдаёт приказы – он реагирует. Он не правит – балансирует на острие ножа, стараясь не дать этой разношёрстной банде передрасться друг с другом и разнести его хлипкий «трон» в щепки. Его власть держалась не на силе, а на страхе перед тем, что будет, если он перестанет быть буфером, сдерживающим хаос.

Кассий снова посмотрел на неё. Казалось, он ждал её реакции.

– Бизнес. – Светлана позволила лёгкой, понимающей улыбке тронуть уголки губ. – У сильных людей всегда много забот.

Он изучающе посмотрел на неё, и в его глазах на мгнове-

ние мелькнуло что-то – не интерес, а скорее оценка. Оценка нового, возможно полезного инструмента.

– Сила... – Он произнёс это слово с горькой усмешкой. – Здесь она разная. У кого-то в когтях, у кого-то – в голове. А у кого-то... – он многозначительно посмотрел на её грудь, – просто в симпатичной мордашке. Осваивайся, Лана. Смотри. И решай, на чью силу хочешь положиться.

Он откинулся на спинку кресла, ясно давая понять, что аудиенция окончена.

Светлана кивнула и, не спеша, отошла от возвышения, чувствуя его взгляд на спине. Она сделала первый шаг. Прошла проверку на входе. Теперь ей предстояло самое сложное – закрепить, вызвать доверие и начать копать. Искать того, кто носил её лицо и принёс ей столько бед.

Она была в логове зверя. И ей нужно было научиться говорить на его языке.

Глава 7. Игра в тени

Отойдя от «трона» Кассия, Светлана нашла свободный столик в углу, затенённый колонной, и пристроилась там с нетронутым мутным бокалом. Позиция была выигрышной – она видела почти весь зал, оставаясь частично скрытой. Она растворилась в полумраке, став ещё одной деталью интерьера Лимба, и начала наблюдать.

Её взгляд, привыкший вычленять суть из хаоса, скользил по толпе, раскладывая её на составляющие. Вот группа оборотней поменьше Зубаря, явно из его «Стаи», играют в кости на отгрызенный палец тролля. Их смех груб и простодушен. Вот у стойки бара столпились гномы из «Ржавых Шестерён» – они что-то горячо обсуждают, размахивая руками, от которых пахнет озоном и палёной проводкой. А вот в самой тёмной ложе сидят «Проклятые» во главе с Алисой – неподвижные, как изваяния, они лишь следят за происходящим с холодным, неживым интересом.

Но её цель была не они. Её цель – «Тени».

Она искала тех, кто не имел своего лица. Кто был мастером мимики и информации. Доппельгангеров и их лидера, Мимохода.

Час наблюдений не прошёл даром. Она заметила странность. Один из «гоблинов» у бара слишком изящно держал кружку. Другой, казавшийся пьяным оборотнем, поскольз-

нулся, но его падение было неестественно пластичным, будто рассчитанным. Мелочи, заметные лишь тому, кто знал, что искать.

Именно тогда она его увидела. Он сидел один за маленьким столиком, в тени аварийного выхода, и пил воду. Просто воду. Его внешность была на редкость невыразительной – средние лета, среднее телосложение, лицо, которое забывалось через секунду после того, как отводишь взгляд. Одежда серая, ничем не примечательная. Но в его абсолютной заурядности была своя гениальность. Он был человеческим хамелеоном, идеальной пустотой, которую можно заполнить любым образом.

Это должен был быть он. Мимоход.

Светлана медленно поднялась и направилась к его столику. Она шла не прямо, а как бы случайно, огибая танцпол, будто просто разминая ноги. Она почувствовала, как на неё снова устремляются взгляды. «Лана» была слишком яркой птичкой для этого серого угла.

Она остановилась рядом с его столиком, делая вид, что рассматривает граффити на колонне.

– Скучное место для такого интересного человека. – Она не глядела на него.

Человек за столиком не вздрогнул. Он медленно поднял на неё глаза. Его взгляд был таким же невыразительным, как и всё остальное – плоским, лишённым эмоций.

– Места не бывают скучными. Бывают неинтересные люди

в них. – Голос был ровным, без интонаций, как у навигатора.

– А люди, которые меняются, как перчатки? Они интересны? – Светлана повернулась к нему, позволив лёгкой, игривой улыбке появиться на лице. Улыбке, которую она когда-то использовала, чтобы очаровывать придворных.

В его глазах что-то мелькнуло. Осторожность. Интерес.

– Это зависит от качества кожи и аккуратности швов. – Он парировал без паузы. – Некоторые перчатки рвутся в самый неподходящий момент. И тогда руки становятся грязными.

– Мои руки уже не боятся грязи. – Светлана сделала шаг вперёд и, не дожидаясь приглашения, села напротив. – Меня зовут Лана.

– Я знаю. – Его голос оставался ровным. – Новенькая. С амбициями. Кассий уже проинформирован. Здесь всё очень быстро становится известно.

– Это хорошо. Значит, вы уже в курсе, что я ищу специалиста. С узким профилем.

– Узкие профили имеют обыкновение проваливаться в неизвестном направлении. – Он отпил глоток воды. – Зачем он вам?

– У меня есть деловое предложение. – Она наклонилась чуть ближе, понизив голос. – Мне нужен человек, который может быть кем угодно. Для решения одной деликатной проблемы. Проблемы, связанной с нежелательным вниманием.

Мимоход наконец отложил стакан. Его плоский взгляд стал чуть более сфокусированным.

– Внимание бывает разным. От любопытного до смертельного.

– Именно ко второму типу у меня и возник интерес. – Она не моргнула. – И я готова хорошо заплатить за помощь в его перенаправлении.

Она положила на стол между ними ещё одну царскую монету. Та лежала на липкой поверхности, тускло поблёскивая в мигающем свете.

Мимоход посмотрел на монету, потом на неё. В его лице что-то изменилось. Не выражение – оно оставалось прежним, – но сама его сущность будто сдвинулась, стала плотнее.

– Проблемы с вниманием... – Он произнёс задумчиво. – Это наш профиль. Но мы не работаем с первыми встречными. Даже с такими убедительными.

– Что нужно для того, чтобы перестать быть первым встречным? – Она смотрела ему прямо в глаза, в эти две пустые луночки.

Он помолчал, изучая её.

– Информация. – Он сказал наконец. – Валюта Лимба. Принесите мне что-нибудь интересное. Что-то, чего я не знаю. О Кассии. О «Стае». О «Проклятых». Неважно. Докажите, что вы не просто красивая картинка, а полезный актив. Тогда мы поговорим.

Он отодвинул стул и встал. Его движение было плавным и абсолютно бесшумным.

– Удачи, Лана. Надеюсь, вы найдёте то, что ищете.

И он растворился в толпе, будто его и не было. Светлана сидела одна за столиком, глядя на пустой стакан и лежащую монету. Первый контакт установлен. Мимоход проявил осторожный интерес. Но теперь ей нужно было выполнить его условие. Ей нужна была информация. И для этого предстояло погрузиться в грязные интриги Лимба ещё глубже.

Она подняла монету, сжала её в кулаке. Игра началась по-настоящему.

Глава 8. Кровавый след

Вернувшись в свою двушку под утро, Светлана чувствовала себя выжатой. Запах дешёвого зелья, пота и отчаяния въелся в одежду и волосы, и даже сняв гребень, она, казалось, ощущала его на себе, как шрам. Она молча разделась, отправила вещи в стирку и залезла в душ, стоя под почти кипятком, пока кожа не покраснела, пытаясь смыть липкую ауру Лимба.

Маркиз встретил её многозначительным молчанием, улёгшись на диване и наблюдая за её суетой с видом критика, оценивающего неудачное выступление. Когда она наконец вышла из ванной в старом халате, с влажными волосами и парой лишних морщинок усталости на лице, он изрёк:

– Ну что, как на курорте? Отдохнула? Набралась впечатлений?

– Заткнись, Маркиз. – Она включила электрический чайник, голос был хриплым. – Я нашла его. Лидера «Теней». Мимохода.

– О-хо-хо. – Кот лениво перевернулся на спину, подставляя живот воображаемому солнцу. – И как же наш господин Тень? Поведал все тайны мироздания за бутылку дешёвого вина?

– Он поставил условие. Информация в обмен на доверие. Нужно принести ему что-то, чего он не знает о здешней

иерархии.

– Ах, классика! Шпионить за шпионами. Очень оригинально. И что ты собираешься ему принести? Подсчёт веснушек на роже Зубаря? Или, может, размер бюстгальтера графини Алисы? Ходят слухи, она до сих пор носит корсеты XVIII века.

Светлана не ответила. Она налила себе чай, села за стол и уставилась в стену, перебирая в голове обрывки разговоров, подсмотренные сцены, намёки. Кассий слаб. Зубарь рвётся к власти. Алиса недовольна. Но это были общие места. Ей нужно было что-то конкретное, сочное.

Она машинально включила старый потрёпанный телевизор, качающийся на кухонной столешнице. Обычно она смотрела местные новости в фоне, чтобы не терять связь с человеческим миром.

Диктор, женщина с застывшей улыбкой, рассказывала о пробках на кольцевой. Потом перешла к криминальной хронике.

– ...и ещё одна трагическая новость. Сегодня утром в своём загородном доме был обнаружен мёртвым известный бизнесмен и меценат Пётр Леонидович Яровой. Предварительная причина смерти – остановка сердца...

Светлана замерла, чашка застыла на полпути к губам. Яровой. Имя било в память с колокольной силой. Пётр Яровой. Один из Хранителей Печати. Маг, в совершенстве владевший искусством барьерной магии. Его «остановка серд-

ца» была так же вероятна, как внезапная смерть акулы от того, что она забыла плавать.

— ...по словам соседей, накануне вечером к дому господина Яровова подъезжала...

Диктор продолжал говорить. Светлана вскочила, подбежала к телевизору и прибавила звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.